

РУССКАЯ ЩЕЛЬ

Секрет русского человека

в том, что у него есть щель. Или дыра. Или пробоина, если прибегнуть к морскому сравнению. Во всяком случае в нем определенно нет герметичности. Нет осознания себя как целостности, как законченной, завершённой формы.

Где щель, там расколотость, разбитость, опустошенность. Звук, если постучать, не звонкий, странный, глухой, загадочный. Цельная вещь не вызывает столько вопросов. Она есть. Плохая или хорошая, она существует, и все. А здесь: кто разбил? когда? с какой целью? или с самого начала, от природы — с целью? Замучаешься отвечать.

Хуже того, замучаешься спасать. Если с щелью, если с пробоиной, то непременно тонешь. Русский человек. Вечный утопающий. Однако не утопленник. В сущности, это непотопляемый утопающий. В каком-то смысле он водяной, так и не научившийся плавать. Ему бросают спасательный круг, паника, его тащат за волосы, с большим трудом выволакивают на берег. Положили, теперь откачивают. Русский человек застенчив. Ему неприятно, что с ним возятся. Ему совестно, что он наг, плохо выбрит и вообще не слишком эстетическое зрелище. Ему не нравится, когда он не нравится. Он зажимается, становясь подозрительным, агрессивным. Из него не выдавишь слов благодарности. У него напряженная, кисло-горькая аура. Отлежавшись на песке, он приподнимается, мутным взором обводит спасателей и медленно, угрюмо, неуклонно лезет в воду. Чтобы снова тонуть и мучиться. Неожиданная догадка закрадывается: да он же, сукин сын, пьян! Не исключено. Хотя, может быть, он и трезв. Не в этом дело. Дело в том, что у него есть щель — веское алиби сумасброда.

С щелью нормально жить невозможно. С щелью нельзя прилежно работать, думать о быте, обзаводиться семейным добром, покупать шелковые галстуки. С щелью не выстроишь ровной дороги, не станешь аптекарем. Щель можно спрятать, как звериный хвост, зажав его между ног. Щель на худой конец можно заклеить. Но звук все равно будет не тот: глухой и загадочный. Можно только притворяться, что все нормально. Хитрить и лукавить. Однако лукавь не лукавь, а почему-то так неудержимо хочется рвать и пачкать обоим!

Щель — великое преимущество русского человека. В том, что он лучшее из того, что сотворил Бог, русский человек, даже самый скромный и мягкий, включая Чехова, никогда не сомневался. В том, что он «говно», он тоже нисколько не сомневается. Вся русская философия замирала от такой нежданно-негаданной полярности. Вся русская литература восхищалась широтой своего героя. Иностранцы тоже дивились в блаженном неведении. А как им понять, когда у них все

задраено, если у них — ни щелочки? Посмотришь на русского человека острым глазком. Посмотришь на тебя острым глазком. И все понятно, и никаких слов не надо. Вот чего нельзя с иностранцем. Так резонно рассуждал Василий Розанов в начале XX века. Через щель русская душа видна невооруженным глазом. Ее можно потрогать пальцем или даже пощекотать. Когда русская душа смеется от щекотки, смех стоит «на всю ивановскую». Русское веселье — дело надрывное, переходящее зачастую либо в рыдание, либо в драку. Перещекотали. Русские песни тоже надрывны. Надсадны и жалобны. А русские сказки то слащавы, то дивно циничны. В них презираются ум и работа. Там торжествуют обман и чудо. Там правит князь — Иванушка-дурачок. Он недолюбливает своих братьев: трудовую фольклорную интеллигенцию.

Недаром теологов тянет к русскому человеку: он метафизичен, из него лезет наружу мистическая субстанция души, как носовой платок из кармана. При всей своей обрядовой помпезности русское православие — тоже с щелью. При всех своих поразительных по цвету средневековых иконов оно — черно-белое, не знает оттенков. Оно похоже на спущенное колесо. Весомо лежит, скверно едет. Сидя на этом колесе, замечательно глядеть на звездное небо и рассуждать о русском хлебосольстве. Наверное, водка — единственная святая вода, которая, как с ней ни борись, не перевелась на Руси. Замечательно куда не ехать.

Через щель русская душа непосредственно наблюдает мир, не прибегая к помощи банального человеческого зрения, и напрямую общается с Богом. Этот опыт уникален. С точки зрения не вечности, но щели. Этот опыт — достоинство русской культуры. Прошлой и — будущей. Она никогда не останется безработной. В отличие от неуместной российской цивилизации.

В цивилизации русские — обидчивые подражатели, охваченные парадоксальной думой о том, что они изобрели все раньше и лучше других, но их на ярмарке идей обобрали евреи и иностранцы. У молодого Чехова есть юмористический рассказ, где сравнивается русский ум с французским: «Русский ум — изобретательный ум! — рассуждает его персонаж. — Только, конечно, ходу ему не дают, да и хвастать он не умеет... Изобретет что-нибудь и поломают или же детишкам отдаст поиграть, а ваш француз изобретет какую-нибудь чепуху и на весь

свет кричит. Намедни кучер Иона сделал из дерева человечка: дернешь этого человечка за ниточку, а он и сделает непристойность. Однако же Иона не хвастает».

А вот если взять семейный пример, то мой далекий загадочный родственник Попов выдумал не какую-нибудь непристойность, а радио, причем раньше Маркони. Об этом знает в СССР каждый школьник. Я тоже, естественно, в этом уверен.

Французский путешественник маркиз де Кюстин, написавший книгу «Россия в 1839», заметил, что беда русских не в том, что они подражают Европе, а в том, что подражают плохо. Через 150 лет после Кюстинской книги, до сих пор полностью из-за всяческих обид не опубликованной в России, русская душа по-прежнему никак не определится: кто она — европейка, азиатка или что-то совсем особенное? Лучшие русские умы ломают голову над этим вопросом. На самом деле русская душа архаична. Она боится всего «чужого», не исключая кока-колы. Ей кажется, что эта «черная вода», выдумка чужеземных колдунов, лишит ее целомудренности. «Чужая» одежда также пугает ее. Никакие потемкинские деревни советской моды наподобие коллекций Вячеслава Зайцева не убедят ее в том, что это богоугодное дело. Никакие политические нововведения не собьют ее с толку: она поклоняется силе и презирает слабость. Она монархистка, а не плюралистка. Она свободна в своем первобытном рабстве.

Щель — основная причина извечной русской неудовлетворенности, ненасытности, неприхотливости, требовательности и лени. Лучший мифический образ русской души — помещик Обломов. Он красиво и правильно проспал целую жизнь. Пробовал влюбиться — не получилось. Любовная энергия ушла через щель. Через щель уходит вся жизненная энергия. В щель забивается весь мусор мира. Чтобы сберечь энергию, нужно подолгу спать. Русской душе нужен покой. Русская душа никогда не обретет покоя. Крестьянский народ, чуть ли не тысячу лет назад ушедший от ласкового солнца разоренного после степных набегов Киева в таежную хлябь северо-востока, и не подозревал, что там, на болоте, родится новая общность сильно разобщенных людей — с ранимыми душами, страдающими от سوءнаправления климата, поганой почвы и тошного вынужденного зимнего безделья.

Безвестный на Западе русский исто-

рик Ключевский, шесть лет не доживший до большевистской революции, оказался куда более точен, нежели всемирно значимый Достоевский, указав не на соборность и коллективизм русской души, а на ее беспредельную одинокость: «Великоросс лучше работает один, когда на него никто не смотрит, и с трудом привыкает к дружному действию общими силами. Он вообще замкнут и осторожен, даже робок, вечно себе на уме, необщителен, лучше сам по себе, чем на людях, лучше в начале дела, когда еще не уверен в себе и в успехе, и хуже в конце, когда уже добьется некоторого успеха и привлечет внимание: неуверенность в себе побуждает его силы, а успех роняет их».

Нетерпеливый недоучка и тонкий политик, Ленин, не внявши Ключевскому, превратил русскую революцию в долгосрочную пытку русской души. Но кто всерьез станет спорить с тем, что коммунистический идеал был во многом созвучен «щелевому» российскому сознанию? Что Маркс — лишь повод, а не первопричина той страсти к уравниловке и завистливой злобе к более зажиточному собрату, которой сочтена среднеарифметический русский характер со своей «щелевой» энтропией?

Нынче неслыханные перемены плывут русские мозги. После Петра Первого и Александра Второго в третий раз в русской истории возникает шанс выпрыгнуть из болота. Третья попытка на протяжении трех веков. Последняя. Прыгайте, черти! Неужели щель затянется, словно рана?

Холодным мартовским утром 1990 года пожилой болтливый дядька-таксист вез меня в международный аэропорт Шереметьево. Узнав, что лечу в Париж, он спросил с тяжелым любопытством:

— А верно говорят, что в Париже все ходят в белых штанах?

Мне показалось, что оба мы сходим с ума. В который уж раз от подобной дичи мне стало страшно за новые планы Европы, за русскую интеллигенцию, присматривающуюся к парламентским играм, за московскую и ленинградскую молодежь, растущую нынче без всякой партийной опеки, за кавказцев, литовцев и нас с ним самих. Через щель ушло тысячелетие времени. Опять часы показывали русскую вечность. Доверчивая, хитрая, неопытная душа, мечтающая о долларах и о Сталине, весело взирала на меня через щель. Для отчаяния не было никаких оснований.

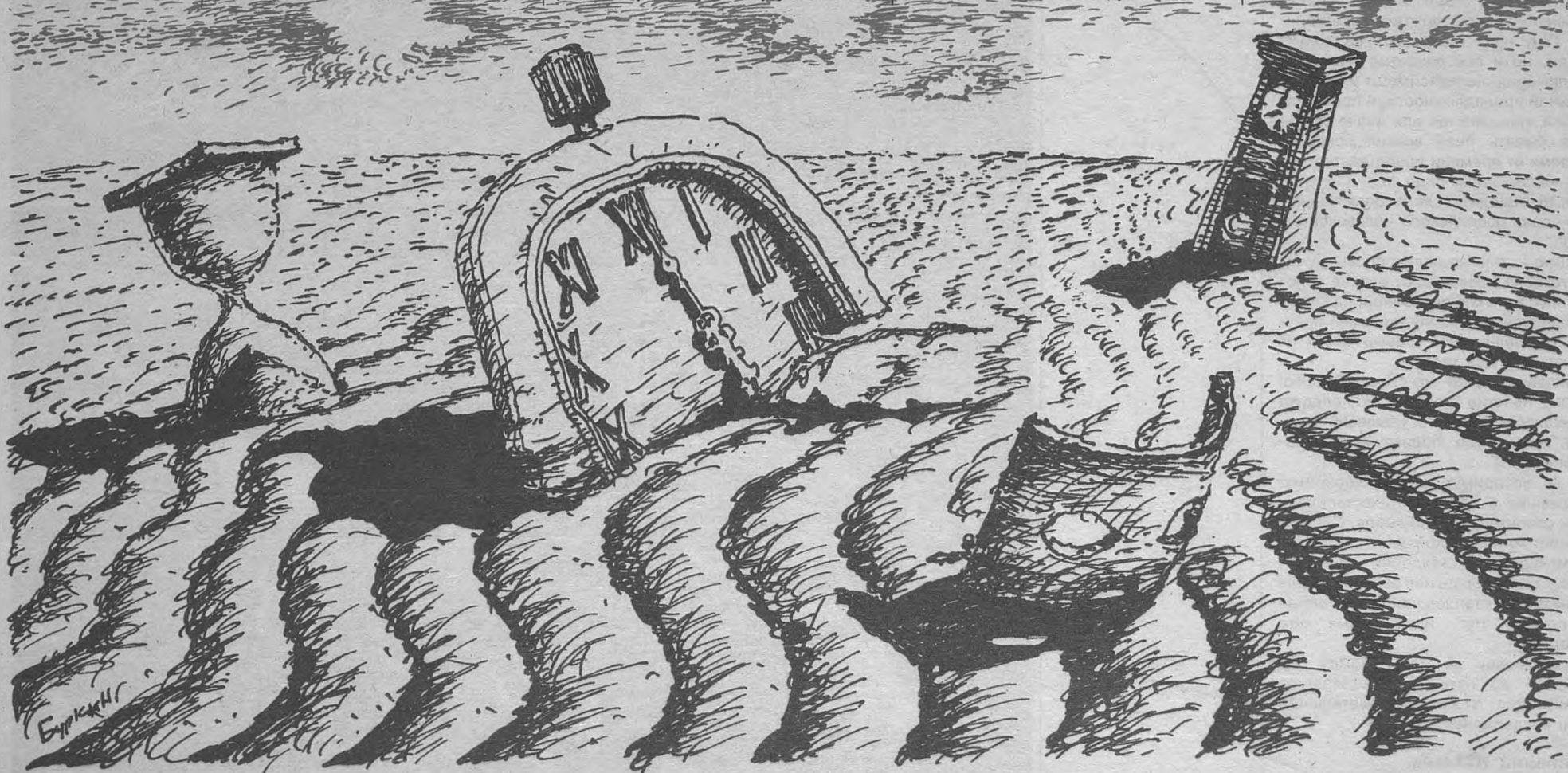

Рисунок Владимира Бурдакова